

Микуленок Александра Андреевна

аспирант кафедры новой, новейшей истории
и международных отношений
Кубанского государственного университета

**ОСОБЕННОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ
РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ
НА «ВОСТОЧНЫХ КРЕСАХ»
В 1920–1930-Е ГГ. [1]**

Аннотация:

Статья освещает положение русскоязычного населения в Польше на так называемых «восточных кресах». Автор анализирует политику польского правительства по отношению к национальному меньшинству и изменение ее в течение 1920–1930-х гг. Показывается специфическая обстановка на «кресах» и реакция правительства на те или иные события в регионе, направленная на стабилизацию и без того хрупкого перемирия.

Ключевые слова:

«восточные кресы», российская эмиграция, азиль, шовинизм, Польша.

Mikulenok Alexandra Andreevna

PhD student, Modern, Contemporary History
and International Relations Department,
Kuban State University

**THE FEATURES OF
THE RUSSIAN-SPEAKING
POPULATION STATUS IN KRESY
IN THE 1920–1930S [1]**

Summary:

The article deals with the status of the Russian-speaking population in Poland in so-called ‘Eastern Kresy’ (territories incorporated directly into the Soviet Union under the 1939 Molotov-Ribbentrop Pact). The author analyses the Polish Government’s policy in relation to the national minority, as well as its alterations during the 1920–1930-s. Besides, the article describes the specific atmosphere in Kresy and the government’s response to some or other events in the region aimed at stabilisation of the truce, precarious enough as it was.

Keywords:

Eastern Kresy, Russian emigration, political asylum, chauvinism, Poland.

В истории советско-польских отношений межвоенного периода достаточно много спорных вопросов и так называемых «темных пятен», которые часто служат «оружием» манипуляции в мире большой политики. Изучение таких спорных вопросов поможет избежать в будущем недопонимания между двумя странами и сведет к минимуму возможность разжигания межэтнических конфликтов. Данная статья освещает достаточно неоднозначную и мало изученную тему – проблему «восточных кресов». В отечественной историографии исследователи уделяли много внимания положению русскоязычного населения в Польше в межвоенный период, будь то изучение в контексте истории российской эмиграции [2] или же непосредственно оценка положения русскоязычного населения в целом [3].

После заключения Рижского мирного договора 21 марта 1921 г. территории Западной Украины и Белоруссии вошли в состав Польского государства. Русскоязычное население, проживавшее на этих территориях, в одночасье оказалось гражданами дугой страны.

Сразу же после вхождения указанных территорий в состав Польской Республики польское правительство стало проводить политику национальной розни и местного шовинизма. Западная Украина и Белоруссия были превращены в аграрно-сырьевой придаток центральных областей Польши. На этих территориях находилось всего 4 % промышленных предприятий, главным образом связанных с легкой промышленностью, и осуществлялся 1 % потребления электроэнергии. Зарплата на «восточных кресах» для русскоязычного населения была в 2 раза меньше, чем для поляков, работавших на тех же должностях [4, с. 15].

Помимо этого, на «восточных кресах» проводилась политика принудительного «ополячивания» населения. Заклучалась она в ликвидации русскоязычных школ, преследовании национального языка, литературы и православия. На государственную службу принимались исключительно лица польской национальности, во всех учреждениях использовали только польский язык. Кроме того, с декабря 1920 г. активно проводилась система «осадничества», суть которой была в наделении земель на «восточных кресах» военнослужащих, отличившихся в советско-польской войне, и их переселении вместе с семьями (согласно польской статистике, всего было переселено порядка 78 тыс. чел., по советской – 115–130 тыс. чел. [5, с. 153–154]). Тем самым увеличивалась численность военных, пограничников и усиливалась взаимосвязь между полицейскими постами [6, с. 4]. Аргументировалось это необходимостью стабилизации обстановки на «восточных кресах», которая подрывалась постоянными вооруженными столкновениями между советскими и польскими пограничниками из-за взаимных претензий на фоне только что окончившейся

советско-польской войны. Помимо этого, там орудовали различные бандитские организации, которые нападали на местных жителей и терроризировали их [7, с. 4]. Об этом неоднократно упоминалось в эмигрантской прессе [8].

Польским правительством отмечалась необходимость обеспечения безопасности и спокойствия местных жителей на приграничных территориях, что позволило бы укрепить и авторитет польских властей. Однако принимаемые меры не принесли желаемых результатов [9, с. 3].

Советским гражданам и русским эмигрантам отказывалось в выдаче польской визы [10, с. 4]. Аргументировалось это тем, что польское правительство опасается проникновения в страну коммунистов под видом эмигрантов для проведения коммунистической агитации на «восточных кресах», так как там систематически задерживали подпольных большевистских агентов с агитационными листовками на русском, польском, белорусском и еврейском языках [11, с. 3]. В МИДе особо подчеркивалось, что эмигранты не имели права выбирать место проживания в восточных воеводствах Польши, о чем даже ставилась специальная отметка на «картах азилия», дабы не дестабилизировать и без того непростое положение на «восточных кресах» путем их окончательной русификации [12, с. 4].

Также для жителей «кресов» существовали специальные правила для получения виз и паспортов. Сельское население, а на «кресах» оно преобладало, получало паспорта в особом порядке. Связано это было с тем, что часть домовых книг во время войны была вывезена вглубь России, часть была уничтожена. Поэтому МВД постановило упростить процедуру получения гражданства для этой категории оптантов. Для получения гражданства первоначально производилась регистрация согласно определенным фактическим данным, имеющим действительное значение для получения гражданства. Затем данные регистрационных записей подвергались тщательной проверке: она заключалась в опросе местных жителей и их показаниях в отношении оптанта. И дальше уже происходило утверждение регистрационных списков в воеводствах [13, с. 1].

При получении виз жители «кресов» имели некоторые преимущества. Например, для получения американской визы решающую роль играло не место проживания или гражданство оптанта, а место рождения. При выдаче визы приоритет отдавался замужним женщинам, чьи мужья уже находились в Америке, затем шли лица, выезжающие к своим детям, и несовершеннолетние, чьи родители проживали в САСШ. Визу на въезд в страну жители «кресов» получали из русских квот, даже при наличии польского гражданства. Для получения визы в консульском отделе после предоставления необходимых документов выдавали порядковые номера, которые были действительны в течение определенного периода времени. Если в указанный срок оптанта не получал визу, то необходимо было заново получать порядковый номер. В этом случае виза могла быть выдана не ранее чем через 3–4 месяца и только после предоставления паспорта с указанным местом рождения и «эпидейвиса». Для экономии времени и денег паспорт со всеми необходимыми документами для получения визы можно было отправить по почте в американское эмиграционное общество «Хіас» (г. Варшава, ул. Мурановская, д. 34) или же начать оформление через посредничество местных эмиграционных отделов, которые получали порядковый номер визы и высылали его вместе с паспортом. Виза выдавалась в строгом порядке, установленном американским консульством. Точная численность желающих уехать в Америку была неизвестна, но предположительно их было не менее 20 тыс. чел. [14, с. 3].

Также на территории «восточных кресов» имелось много спорного имущества, так как прежние хозяева выехали во время войны вглубь России и не воспользовались правом оптации или репатриации. Ввиду того, что польским гражданам запрещалось иметь имущество в Советской России, польское правительство приняло аналогичные меры, запретив советским гражданам претендовать на свое довоенное имущество на территории Польши, дабы исключить имевшие место взаимные претензии и судебные тяжбы относительно несогласия с конфискацией имущества в пользу государства. Например, Ева Виккер, проживавшая в России, пыталась судиться с польской казной, выдвинув обвинение в незаконном использовании ее владений на безвозмездной почве. Иск был отклонен из-за отсутствия польского гражданства у истца [15, с. 1].

Таким образом, после изменения восточной границы Польши русскоязычное население Западной Украины и Белоруссии оказалось в достаточно сложном положении: с одной стороны, они оказались в чужой стране, конституция которой гарантировала им все права на сохранение национальной идентичности; с другой стороны, польское правительство стало проводить политику национального шовинизма. Помимо этого, на «кресах» было объявлено особое положение из-за постоянных вооруженных конфликтов и столкновений между польскими и советскими пограничниками, что, в свою очередь, дестабилизировало и без того хрупкое равновесие между местными жителями и польскими властями.

Ссылки и примечания:

1. Под уроженцами «кресов» подразумевались жители Виленской, Волынской, Минской и Гродненской губерний.
2. Елкин А.И. Социально-экономическая адаптация русских беженцев в Польше в 20–30-е гг. XX в. [Электронный ресурс]. URL: <http://dspace.univer.kharkov.ua/bitstream/123456789/7388/2/Elkin.pdf> (дата обращения: 01.11.2015); Ратушняк О.В. Казаки-эмигранты в Польше в первой половине 1920-х гг. // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар, 2013. Вып. 7. С. 211–218; Жуков А.К. Помощь эмигрантских организаций в решении социальных проблем российских беженцев в Польше // Ученые труды российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 4. С. 125–128.
3. Симонова Т.М.: 1) Российская диаспора в Польше в 1920–1924 гг. // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М., 2001. С. 170–180; 2) Советская Россия (СССР) и Польша: русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.). М., 2011. 366 с.
4. Зуев Ф.Г. Польша в 1918–1939 гг. Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП (б). М., 1950. 35 С.
5. Савченко В.Н. Восточнославянско-польское пограничье 1918–1921 гг. (этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание). М., 1995. 195 с.
6. За Свободу! 1921. 2 окт. № 264.
7. Там же. 4 сент. № 237.
8. Там же. № 257–264; 1925. № 3–231.
9. Там же. 13 янв. № 11.
10. Там же. 1921. 26 окт. № 288.
11. Там же. 1925. 7 янв. № 7.
12. Там же. 1921. 26 окт. № 288.
13. Там же. 1925. 9 мар. № 66.
14. Варшавские отклики. 1921. 16 дек. № 16.
15. За Свободу! 1925. 2 мар. № 59.

References:

1. Under the natives “cres” were meant residents of Vilna, Volyn, Minsk and Grodno provinces.
2. Elkin, AI 2015, *Socio-economic adaptation of Russian refugees in Poland in 20-30-ies of XX century*, retrieved 01 November 2015, <<http://dspace.univer.kharkov.ua/bitstream/123456789/7388/2/Elkin.pdf>>; Ratushnyak, OV 2013, ‘Cossacks emigrants in Poland in the first half of the 1920s’, *World of the Slavs of the North Caucasus*, Krasnodar, vol. 7, p. 211-218; Zhukov, AK 2014, ‘Help emigre organizations in solving social problems of Russian refugees in Poland’, *Scientific works of the Russian Academy of lawyers and notaries*, no. 4, p. 125-128.
3. Simonova, TM 2001, ‘The Russian diaspora in Poland in 1920-1924’, *The national diaspora in Russia and abroad in the XIX-XX centuries*, Moscow, p. 170-180; Simonova, TM 2011, *Soviet Russia (USSR) and Poland: Russian anti-Soviet formation in Poland (1919-1925)*, Moscow, 366 p.
4. Zuev, FG 1950, *Poland in the 1918-1939. Transcript of lectures at the Higher Party School of the Central Committee of the CPSU (b)*, Moscow, p. 35
5. Savchenko, VN 1995, *Eastern Slavic-Polish borderland of 1918-1921 (ethnosocial situation and public-political demarcation)*, Moscow, 195 p.
6. *For Freedom!* 1921, 2 October, no. 264.
7. *For Freedom!* 1921, Sep. 4, no. 237.
8. *For Freedom!* 1921, no. 257-264; 1925, no. 3-231.
9. *For Freedom!* 1921, January 13, no. 11.
10. *For Freedom!* 1921, October 26, no. 288.
11. *For Freedom!* 1925, January 7, no. 7.
12. *For Freedom!* 1921, October 26, no. 288.
13. *For Freedom!* 1925, March 9, no. 66.
14. *Warsaw responses* 1921, December 16, no. 16.
15. *For Freedom!* 1925, March 2, no. 59.